

УДК 128/129

ШИРЯЕВА Екатерина Вадимовна,
аспирант кафедры философии Ивановского Государственного университета, г. Иваново, Россия
e-mail: shiryaevak@ya.ru

SHIRYAEVA Ekaterina Vadimovna,
Postgraduate, Chair of Philosophy, Ivanovo State University, city of Ivanovo, Russia
e-mail: shiryaevak@ya.ru

САМОТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА СТРЕМЛЕНИЯ К БЕССМЕРТИЮ

SELF-TRANSCENDENCE OF A HUMAN BEING THE BASIS FOR ASPIRATION TO IMMORTALITY

В данной статье родовой человек рассматривается как существо, обладающее стремлением и способностью к самотрансцендированию. Стремление к бессмертию интерпретируется как неотъемлемое свойство человека, производное от самотрансцендирования и неразрывно связанное с ним. Атрибутивные свойства человека: сознание, практическая деятельность, социальность – анализируются как формы трансцензуса. Рассматриваются различные типы эмоционального отношения к смерти и бессмертию, их проявления в произведениях народного и классического искусства. Подчеркивается амбивалентный в этическом аспекте характер тяги человека к бессмертию.

The paper explored a tribal human as a creature with the implied aspiration to self-transcendence and ability to perform it. Aspiration to immortality has been interpreted as integral feature of an individual, derived from self-transcendence and being a part and parcel to it. The study examined the attribute properties of a human, namely: one's mind, practicing, societal involvement, all of them being examined as forms of entrancement. The author considered various types of emotional attitude towards death and immortality, and their manifestations in the pieces of folk and classical art. The study emphasized an ambivalent nature (in the aspect of ethics) of the personal draft to immortality.

Ключевые слова: самотрансцендирование, идея бессмертия, родовой человек, сущность человека.

Key words: self-transcendence, concept of immortality, a tribal human/ individual, the substance of a human.

Понимание человека как существа, постоянно выходящего за пределы своего наличного бытия, встречается у многих мыслителей. Особенно настойчиво эта мысль повторяется в философии Новейшего времени. По мере того, как родовой человек все шире разворачивает в своем историческом бытии способности к познанию и практическому преобразованию мира, становится все очевиднее, что выход за свои пределы, самотрансцендирование, представляет его сущностную характеристику. Подчеркнем, что мы используем термин «самотрансцендирование» в том значении, которое предлагается нерелигиозными мыслителями XX века. Например, Альфред Вебер в книге «Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования» посвящает этой теме отдельную главу под названием «Человек и трансцендентность». Он не связывает понятие трансцендентности с темой сверхъестественного начала, придает этому термину смысл, отвечающий позиции философского реализма. А. Вебер подчеркивает: «Мы говорим здесь о трансцендентности, которая находится в многообразной, меняющейся в своих формах непосредственно данной действительности существования – понимая это существование как духовно и физически предметно данное, о трансцендентности, которая при этом, несмотря на меняющиеся формы ее явления, абсолютна и поэтому находится вне существования в качестве – как ни противоречиво это кажется в логическом понимании – неизменной основы и составной части этих форм явлений»¹. Еще более определенно высказывается о самотрансцендировании Ж.П. Сартр. Он пишет: «Человек находится постоянно вне самого себя. Именно проектируя себя и теряя себя вовне, он существует как человек. С другой стороны, он может существовать, только преследуя трансцендентные цели. Будучи этим выходом за пределы, улавливая объекты лишь в связи с этим преодолением самого себя, он находится в сердцевине, в центре этого выхода за собственные пределы... Эта связь конституирующей человека трансцендентности (не в том смысле, в каком трансцендентен Бог, а в смысле выхода за свои пределы) в субъективности – в том смысле, что человек не замкнут в себе, а всегда присутствует в человеческом мире, – и есть то, что мы называем экзистенциалистским гуманизмом»². Добавим, что родовой человек постоянно выходит не только в «человеческий мир», но в любую другую, внешнюю по отношению к себе реальность.

Известный гуманист XX века, врач-психотерапевт В. Франкл наиболее последовательно проводит мысль о самотрансцендировании как о свойстве, составляющем сущность человека: «Быть человеком значит выходить за пределы самого себя. Я бы сказал, что сущность человеческого существования заключена в его самотрансцендировании»³.

Наиболее развернутую и целостную философскую концепцию самотрансцендирования как атрибутивной родовой черты человека дает К.Л. Ерофеева. Она перечисляет основные ат-

¹ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. С. 261.

² Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм. С. 343–344.

³ Франкл В. Человек в поисках смысла. С. 51.

рибутивные свойства человека – сознание, практическую деятельность и социальность, – анализируя их как формы самотрансцендирования и определяет родового человека как живое существо, осуществляющее самотрансцендирование и, в силу этого, универсальное¹.

На основании этого подхода рассмотрим идею человеческого бессмертия. Если стремление выйти за собственные пределы составляет главнейшую, глубинную, существенную и сущностную черту родового человека, то стремление быть всегда, существовать вечно также с необходимостью должно составлять его неотъемлемое свойство, так как оно производно от первого и неразрывно с ним связано. Если человек «подобно Протею» способен обращаться в любую природу², его желание испробовать все варианты существования глубоко закономерно. Причем, чем более отдельный индивид нацелен в своем существовании на выходы за собственные пределы, тем сильнее в нем жажда бессмертия. Разумеется, это лишь общая тенденция и конкретные биографии людей могут опровергать данный тезис. Субъективный мир человека слишком сложен, чтобы можно было ожидать в нем подобных линейных зависимостей. По тем или иным социально-историческим или индивидуально-психологическим причинам отдельный человек, осуществляющий трансцензус в ярких и интенсивных формах, может не только не проявлять стремления к бессмертию, но, напротив, обнаруживать волю к скорейшему прекращению своего существования. Как правило, это объясняется неким бунтом против действительности. Бунт же, в свою очередь, проистекает из обиды, разочарованности или отчаянья. Каждая форма самотрансцендирования порождает и собственные специфические формы тяги к бессмертию. В качестве таких форм могут рассматриваться и религиозные либо иные идеологические доктрины (трансцензус в духовную реальность), и масштабные проекты практических преобразований материального мира: грандиозного строительства, изменения ландшафта и т.п. (трансцензус в объективный мир вещей), а также коренные преобразования в социальной жизни (завоевательная экспансия, революционная и реформаторская деятельность, благотворительность и просветительство и т.п.). Как видим, перечисленные формы стремления к бессмертию весьма разнообразны и амбивалентны в своем моральном значении.

Одной из самых древних и устойчивых форм этого стремления является надежда жить в памяти потомков. В Древней Греции классического периода, где свободный человек понимался и осознавал себя, прежде всего, как общественное существо, это вызвало к жизни даже такое крайнее явление, как феномен геростратовой славы. Легенда о некоем Герострате, уничтожившем одно из чудес света, чтобы обессмертить свое имя, пусть и дурной славой, отражает имманентный определенной части людей признак – эгоцентризм. Именно это качество порождает в истории «великих» злодеев, не останавливающихся ни перед какими моральными запретами ради сохранения своего имени на страницах истории.

Отношение к теме бессмертия в аспекте субъективного чувства-переживания можно подразделить на шесть видов, или форм. Они, как представляется, выражают все оттенки принятия-непринятия факта человеческой (личной, собственной) смертности.

1. Стремление к смерти как к избавлению от страданий, к средству обретения покоя.
2. Ностальгия, тоска по бессмертию, смиренное принятие смертности как неизбежности.
3. Бунт против невозможности, недостижимости бессмертия.
4. Неуверенность в возможности бессмертия для себя лично, надежда на него.
5. Активное стремление к бессмертию, борьба за него.
6. Уверенность в достижимости бессмертия, оптимизм в решении этой проблемы.

Разумеется, эти формы существуют в сознании отдельного индивида не в чистом виде. Они переплетаются, сменяют друг друга во времени и сосуществуют, выражая противоречивость субъективного мира личности. Это наглядно прослеживается в художественных произведениях: философской лирической поэзии, прозе, драматургии. Как правило, многие крупные поэты, писатели, артисты в разных произведениях демонстрируют различные формы отношения к теме смерти и бессмертия. Так А.С. Пушкин в знаменитом стихотворении «Памятник» дает пример не просто веры, но уверенности в своей посмертной славе – то есть в том варианте бессмертия, который доступен сознанию вольнодумца эпохи просвещения, как, впрочем, и современному материалисту и реалисту. Душа поэта, согласно версии «Памятника», его «прах переживет» только в «заветной лире», то есть опять-таки не иначе, как в творчестве и благодарной памяти потомков. В другом стихотворении Пушкин демонстрирует позицию бунта против собственной смертности:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной

¹ Ерофеева К.Л. Человек в информационном обществе: сущность и существование. С. 37.

² Помпонацци П.// Антология мировой философии в 4-х томах. Т. 2. С. 96.

Ты на казнь осуждена?¹

Само вопрошание о смысле и назначении жизни напрямую связано с вопрошанием о назначении смерти. Жизнь в свете нашей смертности предстает как насмешка, злая шутка: «Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал?» Даже если не обращаться к общему контексту творчества поэта, уже эти два стихотворения показывают весь драматизм видения им этой важнейшей экзистенциальной проблемы.

Поэт уже другого, XX века, Е.А. Евтушенко в стихотворении «Идут белые снега» так же демонстрирует и ностальгию по невозможному бессмертию, и одновременно надежду на него в памяти соотечественников: «Быть бессмертным не в силе./ Но надежда моя:/ Если будет Россия,/ Значит, буду и я»².

В мировой поэзии найдется и немало примеров вполне определенного и внутренне не противоречивого ответа на вопрос об отношении к смерти и бессмертию. Достаточно вспомнить стихотворение В.С. Соловьева «С нами Бог», оканчивающееся мажорным утверждением бессмертия индивидуального и родового человека с позиций религиозного сознания: «Бессильна смерть! Мы вечны! С нами Бог!»³. Уверенностью в заслуженном по праву собственном бессмертии проникнуты строки В.С. Высоцкого «...Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, /Мне будет чем ответить перед Ним»⁴. Примером понимания бессмертия как реальной достижимой цели и как награды за труды и благие усилия была и остается поэма И.В. Гете «Фауст». Ее герой совершает грехи и ошибки, но получает прощение и вечную жизнь именно благодаря этим трудам и усилиям по познанию и творческому преобразованию мира. (Кто жил трудясь, стремясь весь век, /— Достоин искупленья!»⁵

В целом искусство отражает противоречивые и мучительные поиски человека на пути обретения бессмертия: страхи, сомнения, надежды и их утрату. Человек выходит из себя навстречу миру и навстречу собственному бессмертию. В то же время народная поэзия, как правило, демонстрирует смирение перед смертью, а нередко и стремление к ней, как к успокоению в трудах и страданиях. В народной любовной лирике (жанр частушки или песни) мы встречаем естественный, не рефлексированный рассудком (в отличие от поэзии романтизма) призыв смерти как избавления: «Ах, вы братцы мои, вы товарищи,/ Сослужите вы мне службу братскую, —/ Бросьте-киньте меня в Волгу-матушку, / Утопите мою грусть-печаль-тоску!»⁶ Или:

Ягодиночку убили,
Да и мне бы умереть.
Ни который, ни которого
Не стали бы жалеть⁷.

Смерть часто уподобляется желанному сну: «Над твоей могилой/ Соловей поет./ Скоро и твой милый/Тем же сном заснет»⁸. Эти примеры свидетельствуют: когда тяготы жизни превышают некую субъективно определяемую меру, а надежда на их прекращение отсутствует, человек перестает воспринимать жизнь как ценность.

В то же время в классической поэзии, где лирический герой представляет социальную группу, свободную от каждодневных забот о хлебе насущном, и где труд — это не тягостная монотонная работа, а самореализация через творчество, преобладают мотивы жажды бессмертия. Даже житейские тяготы не могут ослабить этой жажды. Пушкин: «Но не хочу, о други, умирать. / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать. / По временам гармонией упыюсь, / Над вымыслом слезами обольюсь. / И может быть, на мой закат печальный / Блестнет любовь улыбочкою прощальной»⁹. Еще более отчетливо и открыто эмоционально выражает эту тягу к бессмертию А. Блок:

О, я хочу безумно жить,
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!¹⁰

¹ Пушкин А.С. Соч. в 3-х томах. Т. 1. С. 247–248.

² Евтушенко Е.А. Завтрашний ветер. С. 461–462.

³ Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 89.

⁴ Высоцкий В.С. Собрание сочинений в 5-и томах. Т. 4. С. 176.

⁵ Гете И.В. Стихотворения. Страдания юного Вертера. Фауст. С. 475.

⁶ Русская народная поэзия. С. 160.

⁷ Частушки времен Великой Отечественной.

⁸ Русская народная поэзия. Там же.

⁹ Пушкин А.С. Соч. в 3-х томах. Т. 1. С. 288.

¹⁰ Блок А.А. Ямбы. С. 79.

Маяковский в поэме «Про это» обращается к воображаемому ученому из будущего со страстной мольбой о воскрешении: «Я свое, земное, не дожил/ на земле/ свое не долюбил»¹. Из этих примеров видно, что бессмертия жаждет не жизненное начало в человеке, а его дух, то есть творческое начало, выражающееся, прежде всего, в творческой познавательной активности и в любви.

Самотрансцендирование в форме познавательной активности с необходимостью предполагает неприятие смерти. Предмет человеческого познания бесконечен как «вширь», так и «вглубь». Поэтому любые временные рамки для когнитивной активности ориентированного на нее субъекта тягостны и неприемлемы. Не случайно именно величайший мыслитель древности Платон первым заговорил об Эросе как божестве познания. О связи страсти к познанию с идеей бессмертия говорится в его знаменитом диалоге «Пир». В нем Платон прямо утверждает: «любовь — это стремление и к бессмертию»².

А.Н. Радищев, обосновывая тезис о вечной жизни человека, доказывал его, апеллируя к беспредельности наших стремлений. В частности, он обращал внимание на то, что «рвение к науке ненасыσιμο»³.

Еще более драматичным оказывается вариант прижизненной потери ментальных способностей вследствие дряхления организма. Смерть разума, наступающая по тем или иным причинам раньше, чем смерть тела — это один из главных экзистенциальных страхов человека мысли. Поэтому мечта о бессмертии и вечной молодости неразрывно связаны друг с другом в историческом культурном контексте (достаточно вспомнить тот же сюжет о докторе Фаусте, многократно воплощенный в западноевропейском искусстве).

Другая сущностная черта родового человека — способность к практической деятельности — также предполагает трансцензус в бесконечность. Объект творческих преобразовательных усилий родового человека не ограничен пространственно-временными пределами. Актуально он конечен в каждую конкретную историческую эпоху. Но в целом развертывание исторического процесса демонстрирует и неограниченное развертывание творческих потенций человека как универсального существа. Для родового человека неустранимо существует противоречие между сущим (наличным бытием) и должным (возможным состоянием бытия, субъективно расцениваемым как необходимое). Поэтому, к каким бы позитивным результатам ни привели творческие усилия, человек не может надолго оставаться удовлетворенным ими. Как формулировал эту мысль М. Шелер, «...человек — это *вечный Фауст*, никогда не успокаивающийся на окружающей его действительности, всегда стремящийся *прорвать пределы* своего здесь-и-теперь-так-бытия и своего "окружающего мира", в том числе и наличную действительность собственного Я»⁴. Процесс практического преобразования природного и социального мира может быть прерван лишь прекращением человеческого существования. Даже факторы, делающие это существование неполноценным (психическая болезнь, инвалидность и т.п.), не исключают творческой активности индивида. Об этом красноречиво свидетельствует художественное творчество больных шизофренией. Что касается соматических заболеваний и расстройств, то они, как известно, порой даже стимулируют индивида к новым достижениям. Яркими примерами этому служат известный подвиг летчика А. Маресьева, совершенный в годы Великой Отечественной войны, или современные успехи спортсменов-паралимпийцев.

Рассмотрим тему смерти и бессмертия в аспекте третьей сущностной черты родового человека — его социальности. На первый взгляд может показаться, что эта черта противоречит идее личного бессмертия. Природа человека как общественного существа переносит акцент в теме бессмертия с индивида на род в целом. Действительно, для человечества не существует природной необходимости в бесконечной продолжительности существования отдельного, пусть и весьма ценного для сообщества индивида. Культура восполняет потерю через разнообразные формы трансляции социального опыта. Потребность в преодолении смерти возникает из субъективного отношения, специфического лишь для мира людей. Это глубоко индивидуализированное отношение, представляющее свой объект как неповторимую уникальную ценность, можно назвать любовью в самом широком значении этого слова. Отношение к другому как к уникальному «Ты» делает смерть этого индивида онтологическим пороком, воспринимается как фундаментальный изъян бытия. Не случайно философы, касавшиеся темы человеческого бессмертия, так или иначе связывали ее с темой любви в той или иной ее ипостаси и форме. Именно так ее трактовали Платон, А.Н. Радищев, В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров... Мы видим, что для любящего жажда бессмертия изначально предстает как потребность в вечном существовании Другого. Не случайно один из древнейших мифов о бессмертии — эпос о Гильгамеше

¹ Маяковский В.В. Про это. С. 140.

² Платон Пир. С. 24.

³ Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии. С. 354.

⁴ Шелер М. Положение человека в космосе. С. 164.

– повествует, как герой отправился на поиски цветка бессмертия не для себя самого, а ради воскрешения погибшего друга.

Противоречивый характер человеческой природы создает и еще один аспект темы бессмертия. Самотрансцендирование и универсальность предполагают как одно из своих проявлений нарушение меры. Возможность такого нарушения всегда сохраняется в любом виде человеческой активности. На это обстоятельство также указывает А.Н. Радищев в упомянутой работе, отмечая, что безмерными одинаково бывают как благие, так и дурные порывы и склонности человека. Для индивида с неразвитым моральным сознанием или потребительскими ориентациями названное качество соответствующим образом преломляется и в представлениях о бессмертии. Последнее начинает восприниматься как некий ресурс, ограниченный, как и все прочие ресурсы, и потому вызывающий конкуренцию, борьбу, враждебность к другим людям. Именно так подается тема человеческого бессмертия в популярном сериале «Бессмертный». Опасность такого истолкования темы человеческого бессмертия вполне реальна. Она также имеет свою онтологическую основу и вытекает из имманентной человеку свободы.

Родовой человек амбивалентен, открыт как добру, так и злу. Отдельный индивид также противоречив в своих морально значимых побуждениях и поступках. Часто можно услышать такие рассуждения: люди станут достойными бессмертия не раньше, чем достигнут морального совершенства. При нынешнем состоянии морального сознания возможность бессмертия обернулась бы углублением неравенства и новым поводом для агрессии. С этими аргументами против поисков бессмертия трудно спорить. Очевидно, если рассматривать человеческое бессмертие не как идеал, а как практическую задачу, следует признать, что решение этой задачи человечеству следует отложить. Но в качестве идеала, то есть фундаментальной смыслообразующей ценности-цели, идея бессмертия выполняет в культуре важную продуктивную функцию. В этом смысле она стоит в одном ряду с идеалами нравственного совершенства, свободы, неограниченного творческого могущества человека.

В реальной человеческой истории, судя по всему, движение на пути к этим идеалам будет происходить и уже происходит по принципу дополнительности. Однако возможен и негативный вариант развития событий: средство преодоления смерти для людей будет найдено раньше, чем достигнут надлежащий уровень морального сознания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии в 4-х томах. Т. 2. – М.: Мысль. 1970. – 776 с.
2. Блок А.А. Ямбы // Собр. соч. Т. 3. – М.-Л.: Гос. издательство художественной литературы, 1960. – 714 с.
3. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. – СПб.: Университетская книга, 1999. – 565 с.
4. Высоцкий В.С. Собрание сочинений в 5-и томах. Т. 4. – Тула: Тулица, 1997. – 308 с.
5. Гете И.В. Стихотворения. Страдания юного Вертера. Фауст. – М.: АСТ, 2002. – 764 с.
6. Евтушенко Е.А. Завтрашний ветер // Евтушенко Е.А. Сборник стихов. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
7. Ерофеева К.Л. Человек в информационном обществе: сущность и существование. – Иваново: Изд-во ИГЭУ, 2007. – 408 с.
8. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 780 с.
9. Маяковский В.В. Про это // Маяковский В.В. Моя революция. Поэмы. – М.: Современник, 1974. – 336 с.
10. Платон. Диалог «Пир» // [Электронный ресурс] <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/pir.txt>. (Посл. обр. 20.08.2013).
11. Пушкин А.С. Соч. в 3-х томах. Т. 1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 511 с.
12. Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии. Избранные сочинения. – М.: Госполитиздат, 1952. – 711 с.
13. Русская народная поэзия. Лирическая поэзия: Сборник. – Л.: Художественная литература, 1984. 584 с.
14. Сартр Ж.П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Изд-во Политической литературы, 1989. – 398 с.
15. Семенова С.Г. Философ будущего века Николай Федоров. – М.: Пашков Дом, 2004. – 576 с.
16. Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1974. – 352 с.
17. Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. – Тула: Приокское книжное издательство, 1986. – 264 с.
18. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Соч. в 4-х томах. Т. I. – М.: Прогресс, 1995. – 518 с.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
20. Шелер М. Положение человека в космосе. Избранные произведения. – М.: Весь мир, 1999. – 231 с.
21. Частушки времен Великой Отечественной [Электронный ресурс] <http://www.brusnika.info/forum/viewtopic.php?f=7&t=1167> (посл. обр. 04.03.2013).